
А. Д. СУХОВ

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. Г. БЕЛИНСКОГО

7 июня 2003 г. исполнилось 155 лет со дня смерти Виссариона Григорьевича Белинского, одного из самых замечательных русских людей и философов. В последнее время имя его редко можно встретить в историко-философских исследованиях. Зато много внимания в них уделяется философам иной идейной направленности. Фаворитами, пользующимися всеобщим вниманием, стали религиозные философы. Причины такого явления находятся вне науки, и если мы хотим, чтобы история русской философии, как всякой иной, являлась целостной и всесторонней, мы не должны забывать о материалистической традиции в России.

Жизнь Белинского не была продолжительной: родился он 11 июня 1811 г., а умер 7 июня 1848 г., не дожив четырех дней до 37 лет. Не была, естественно, долгой и его научная и литературная деятельность. Самые ранние выступления его в печати относятся к 1831 г., к тому времени, когда он был еще студентом. Это – небольшой отзыв на ничем не примечательную брошюру и его собственное стихотворение, подражавшее народной песне. Появились обе эти публикации на страницах московского журнала «Листок» (№ 40–41 и 45).

Подлинное начало литературной работы Белинского можно датировать 1834 г. Именно тогда следующая публикация его – «Литературные мечтания» – привлекла всеобщее внимание. Напечатала это произведение в десяти своих номерах московская еженедельная газета «Молва». «Литературные мечтания» сразу же сделали Белинского ведущим литературным критиком.

Наряду с размышлениями о литературе, анализом ее созданий и направлений литературного творчества «Литературные мечтания»

содержат философский пласт. В «Литературных мечтаниях» Белинский, как философ, заявил себя гегельянцем.

Литература, утверждал здесь Белинский, должна быть выражением внутренней жизни народа. Но само бытие народа, как и всего беспредельного мира, «есть не что иное, как дыхание единой, вечной *идеи* (мысли единого, вечного бога), проявляющейся в бесчисленных формах, как великое зрелище абсолютного единства в бесконечном разнообразии... Для этой *идеи* нет покоя: она живет беспрестанно, то есть беспрестанно творит, чтобы разрушать, и разрушает, чтобы творить... *Идея* живет... Она мудра, ибо всё предвидит, всё держит в равновесии... Бог создал *человека* и дал ему ум и чувство, да постигает сию идею своим умом и знанием...»¹.

Белинский и здесь, и в дальнейшем сочетал философские идеи с литературоведческим анализом, которые находятся у него в органическом синтезе. Общепризнанно, что Белинский обладал редкостным эстетическим чутьем. Тем не менее его эстетический подход корректировался теми философскими установками, которые он на том или ином отрезке времени разделял. Философские же исследования его находили точки опоры в литературоведении и в осмыслении реального исторического процесса.

Несмотря на то, что у Белинского нет таких произведений, которые принадлежали бы исключительно философии, были бы целиком и полностью посвящены ее проблематике, имя его в истории русской философии – в числе признанных. В. Ф. Одоевский, современник и непосредственный свидетель его теоретической деятельности, так отзывался о нем: «Белинский был одною из высших философских организаций, какие я когда-либо встречал в жизни»².

Ссылаясь на это высказывание Одоевского о Белинском, Г. В. Плеханов придавал ему более широкий смысл и значение. Он считал, что Белинский являлся одной из высших «философских организаций» и даже самой замечательной из всех когда бы то ни было выступавших в России на литературном поприще. Он высказывал мнение, что Белинский был центральной фигурой в истории русской общественной мысли, что он был прирожденным философом и со-

---

¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений Т. 1. М., 1953. С. 30.

² Из бумаг князя В. Ф. Одоевского // Русский архив. 1874. № 2. С. 339.

циологом, обладая при этом всеми необходимыми данными, «чтобы стать превосходным критиком и блестящим публицистом»³.

Заслуги Белинского перед философией признавали даже и те, кто стоял на иных идейных позициях. В. В. Розанов, оценивая роль Белинского в истории русской культуры, находил, что «критик» – это не главный атрибут Белинского, что хотя ему удалось чутко и верно осветить состояние русской литературы, преждее и современное ему, гораздо важнее то, что он был преобразователь всего общественного духа, в том числе «преобразователь его в философском отношении»⁴.

Итак, одна из особенностей Белинского-философа состоит в сочетании им философии с литературной критикой. Другой характерный признак философии Белинского заключается в том, что развитие ее совершается не в тени, не инкубационно, а на страницах публикаций, что этому развитию свойственны определенные повороты, зигзаги, разрывы. С тем, что было написано ранее, он может не согласиться ныне. Он способен самокритично отнестись к своим прежним взглядам, дать им весьма жесткие оценки.

Однако духовные трансформации, пережитые Белинским, не являлись, как это часто бывает, просто идейными метаниями, сменой одних невыношенных и незрелых представлений другими столь же несовершенными, неустоявшимися и также взятыми напрокат. В этой смене позиций просматривается своя внутренняя логика. Ход идейных эволюций Белинского не произволен, а целенаправлен; идет непрерывный поиск, он вполне закономерен, хотя и сопровождается некоторыми крайностями, к которым Белинский вообще был склонен, которые сам он за собой признавал и за что в кругу друзей получил прозвище – Неистовый. Умственное движение его напоминает не ходы в разные стороны, а развитие по спирали.

Первая смена идейных ориентиров произошла при вступлении Белинского на путь гегельянства. Взгляды, разделявшиеся им до этого, становятся ему чужды. Определяет он их теперь как субъективно-нравственную точку зрения, как абстрактный героизм и прекрасную душу войну с действительностью. Гегельянство прочно

³ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 4. М., 1958. С. 539.

⁴ Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 513.

внедряло в общественное и индивидуальное сознание мысль о неслучайном характере совершающихся и уже совершившихся перемен и полученных в процессе их результатов. И Белинский начинает «гонения на прекраснодушие во имя действительности»⁵. Прежде он отвергал действительность из-за несоответствия ее тем идеалам о ней, которые он составил. Теперь он смотрит на нее иначе.

Осваивая гегельянство, он принимает в 1837 г. формулу Гегеля о разумности и действительности и придерживается ее в течение почти трех лет, вплоть до начала 1840 г. В одной из статей, где он развивал этот взгляд, «Менцель, критик Гёте», Белинский таким образом кратко изложил свои общие представления о разумности и действительности: «Всё, что есть, то необходимо, разумно и действительно. Посмотрите на природу... – и увидите в ее бесконечном разнообразии удивительное единство, в ее бесконечном противоречии удивительную гармонию... Если мир природы, столь разнообразный, столь, по-видимому, противоречивый, так разумно действителен, то неужели высший его мир – истории – есть не такое же разумно действительное развитие божественной идеи?.. И однако ж есть люди, которые твердо убеждены, что всё идет в мире не так, как должно»⁶. Сам Белинский категорически исключал себя из числа этих людей.

А. И. Герцен так описал в «Былом и думах» свою встречу той поры с Белинским: «Белинский – самая деятельная, порывистая, диалектически страстная натура бойца – проповедовал тогда индийский покой созерцания и теоретическое изучение вместо борьбы. Он веровал в это воззрение и не бледнел ни перед каким последствием, не останавливался ни перед моральным приличием, ни перед мнением других, которого так страшатся люди слабые и не самобытные, в нем не было робости, потому что он был силен и искренен; его совесть была чиста»⁷. Не сумев переубедить Белинского, Герцен порвал с ним всякие отношения.

---

⁵ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 11. М., 1953. С. 387.

⁶ Там же. Т. 3. С. 413–414.

⁷ Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. 9. М., 1956. С. 22.

Подобно тому, как Гегель доказывал необходимость примирения с действительностью прусской, Белинский теперь отстаивает примирение с действительностью российской.

У него кардинально меняется само отношение к институту власти. Он принимает и включает компонентом в свою социальную философию провозглашенный некогда догмат христианства. В статье «Очерки Бородинского сражения» Белинский писал: «Нет власти, которая бы не была от бога, но всякая власть – от бога, – говорит священное писание, и эти слова заключают в себе глубокую мысль и непреложную истину»⁸.

Его суждения о российском самодержавии приобретают апологетический характер. В статье «Бородинская годовщина» утверждается, что царская власть всегда таинственно сливалась с волею провидения – с разумной действительностью, что поэтому «безусловное повиновение царской власти есть не одна польза и необходимость наша, но и высшая поэзия нашей жизни»⁹.

Идиллически изображаются здесь и взаимоотношения верхов с низами в России: «Отношение же высших сословий к низшим прежде состояло в патриархальной власти первых и в патриархальной подчиненности вторых, а *теперь* в спокойном пребывании каждого в своих законных пределах и еще в том, что высшие сословия *мирно* передают образованность низшим, а низшие *мирно* ее принимают»¹⁰.

«Евангелие» оценивается им как книга, в которой всё сказано, всё решено, как книга вечной истины, «святая». «Весь прогресс человечества, – пишет Белинский, – все успехи в науках, в философии заключаются только в большем проникновении в таинственную глубину этой божественной книги, в сознании ее живых, вечно непреходящих глаголов»¹¹. Философский лексикон Белинского пополняется религиозной терминологией (бог, провидение, священное и т. п.).

---

⁸ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1953. С. 333.

⁹ Там же. С. 247.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же Т. 2. С. 555–556.

Примирительные настроения и взгляды отражаются и на восприятии им искусства, литературы, даваемых им и их проявлениям трактовках. Он утверждает, что истинно художественное произведение примиряет человека с действительностью, «а не восстанавливает против нее»¹².

В 1840 г. Белинский отказался от примирительных взглядов. С правого фланга гегельянства он смещается на левый. Изменение, происшедшее в его взглядах, не было единичным явлением. Во второй половине 30-х гг. XIX века в немецком гегельянстве складывается особое направление – левогегельянство, или младогегельянство, представители которого (Д. Штраус, Е. Бауэр, К. Маркс, А. Руге, Л. Фейербах и др.) истолковывают взгляды учителя в радикальном духе. Свои сочинения и идеи они противопоставляют правому гегельянству, ставшему опорой консерватизма и охранительства и стремившемуся породнить философию с христианской ортодоксией. Левые гегельянцы появились и в других странах, в том числе в России. Белинский был одним из них.

Отныне он (по его же словам) с российской действительностью «в споре»; он говорит, что испытывает к ней ненависть и презрение.

Прежние воззрения снова им критически пересматриваются. Он находит, что его недавнее примирение с гнусной действительностью само было гнусным. «Боже мой, – восклицает он в одном из писем в декабре 1840 г., – сколько отвратительных мерзостей сказал я печатно, со всею искренностью, со всем фанатизмом дикого убеждения!»¹³ «Что же делать при виде этой ужасной действительности? – спрашивает он и отвечает: – Не любоваться же на нее, сложа руки, а действовать елико возможно...»¹⁴ Свои будущие журнальные публикации он рассматривает теперь как одно из средств борьбы.

Не отказывая существующей действительности в исторической обусловленности, он считает, однако, что следует принять и развить также «идею отрицания», которая имеет свои права и без которой история человечества превратилась бы в стоячее болото.

---

¹² Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1953. С. 417.

¹³ Там же. Т. 11. С. 576.

¹⁴ Там же. С. 581.

Свое историческое значение и законность имел когда-то, по его мнению, и российский монархизм, но этот частный исторический момент к настоящему времени утрачен.

Что же содействовало переходу Белинского на новые идейные позиции? Имманентно присущий ему философский поиск подкреплялся некоторыми внешними обстоятельствами и событиями.

В конце 1839 г. Белинский переехал из Москвы в Петербург и стал сотрудником журнала «Отечественные записки». В редакцию журнала стекалась обширная информация, дававшая возможность составить непредвзятое представление о состоянии страны. Влиятельный печатный орган, как отмечал сам Белинский, поставил его «лицом к лицу с обществом»¹⁵.

Сказывалось на его взглядах все усиливавшееся движение левых гегельянцев в Германии, обетованной земле тогдашней философии. Познакомившись с издававшимся ими журналом «Hallische Jahrbücher», В. Г. Белинский сообщал В. П. Боткину (в марте 1841 г.), что этот ежегодник радует его, воскрешает, укрепляет.

В 1840 г. были восстановлены отношения с А. И. Герценом. И. И. Панаев, непосредственный очевидец происходившей в сознании Белинского «внутренней ломки», высказывает мнение, с которым, по-видимому, можно согласиться, что она все равно совершилась бы и без влияния Герцена, но что последний «ускорил ее»¹⁶. Установившаяся у Белинского с Герценом духовная близость впоследствии уже не нарушалась.

Какое-то время идейное развитие Белинского, как и Герцена, совершалось в рамках левого гегельянства. Но само оно было переходным явлением. Из него выделились Л. Фейербах, К. Маркс. Фейербахом был восстановлен в своих правах материализм. Имя Маркса ассоциируется с третьим революционным переворотом в философии¹⁷. В первой половине 40-х гг. формируется философия нового типа в произведениях Герцена. По этому же пути идет и Белинский.

---

¹⁵ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 11. М., 1953. С. 527.

¹⁶ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 280.

¹⁷ Первый из них произошел на грани античности и средневековья, второй – в конце средних веков и в начале Нового времени.

В его творчестве начинают проявлять себя материалистические тенденции. Сказывалось влияние Л. Фейербаха, его книги «Сущность христианства», с которой он познакомился в 1842 г. Эти тенденции опираются также на другие составные части мировоззрения Белинского, которые находятся в динамике.

В 1841 г. Белинский приходит к социализму. Идея социализма отныне становится для него «идеєю идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. Всё из нее, – подчеркивает он, – для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию»¹⁸.

Религиозная компонента выпадает из системы его воззрений. В сентябре 1841 г. он отмечает, что ему «отраднее кощунства Вольтера, чем признание авторитета религии... Знаю, – продолжает он, – что средние века – великая эпоха, понимаю святость, поэзию, грандиозность религиозности средних веков; но мне приятнее XVIII век – эпоха падения религии...»¹⁹.

Бог напоминает ему теперь мужичка с бородакою, сидящего на облаке, окруженного серафимами и херувимами и считающего силу – правом, а громы и молнии – разумными доказательствами. Вспоминая о споре, посвященном бытию бога, в котором ему довелось участвовать, Белинский заявляет: «Мне было отратно... плевать ему в его гнусную бороду»²⁰.

В середине 40-х гг. Белинский, став революционным демократом, вместе с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым идейно отмежевывается от группы либеральных западников.

Тогда же его материализм становится целостным. Недовольство Егором Федоровичем, как был прозван Г. Гегель в кругу русских последователей его, не сопровождается охлаждением к его диалектическому методу. Он становится достоянием материализма, служит ему.

Белинскому стал известен «Deutsch Französische Jahrbücher», опубликованный в Париже в 1844 г. Его заинтересовала, в частности, помещенная здесь статья К. Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение». Содержание этой Марксовой публи-

---

¹⁸ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 12. М., 1953. С. 66.

¹⁹ Там же. С. 70.

²⁰ Там же. С. 72.

кации не оставило Белинского равнодушным. «Истину я взял себе...»²¹ – писал он.

В конечном итоге Белинским был создан еще один вариант той философии, которая в 40-х гг. переживала стадию становления и ознаменовала третий революционный переворот в ее истории.

Г. В. Плеханов следующим образом охарактеризовал некоторые аспекты философских исканий Белинского на последней стадии его духовного развития. По его мнению, Белинский покинул идеализм и стал материалистом окончательно. Плеханов считал, что по основным своим показателям философские взгляды Белинского приближались к воззрениям, разработанным К. Марксом. Он даже высказывал предположение, что при благоприятных внешних условиях Белинский мог бы стать «ревностным адептом того диалектического материализма, который во второй половине девятнадцатого века явился на смену отжившей свое время идеалистической философии: историческое развитие увлекшей его философской мысли направлялось как раз в эту сторону...»²². И социализм Белинского не замкнулся в пределах утопии. «Но его гениальная мысль, уже вскоре после вступления его на литературное поприще, поставила перед ним такие теоретические задачи, правильное решение которых прямым путем вело к научному социализму»²³.

К каким же конкретным философским результатам пришел Белинский?

Преодолев гегелевский идеализм, он рассматривал мир идей как деятельность ума, которая есть следствие деятельности мозговых органов. Он считает, что духовную природу человека от его физической природы следует не отделять, но отличать. Переосмыслена им и логика Гегеля, которой тот отводил столь значительное место в своей философии. Для Белинского логика, по самому этимологическому смыслу своему, это «мысль и слово». Не надо забывать «ни на минуту, что предмет ее исследований –

---

²¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 12. М., 1953. С. 250.

²² Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 4. М., 1958. С. 454.

²³ Там же. С. 521.

цветок, корень которого в земле, т. е. духовное, которое есть не что иное, как деятельность физического»²⁴.

В отличие от А. И. Герцена, Белинский не являлся специалистом в философии естествознания; он никогда не претендовал на то, чтобы быть им. Он писал: «О естественных науках я готов болтать или, лучше сказать, слушать, кто это дело знает; но заниматься самому ими – это не мое дело»²⁵. Область его философских интересов – исключительно социальная.

О природе он говорит в самой общей форме и лишь тогда, когда сопоставляет совершающееся в ней с тем, что свойственно обществу. Он обращает внимание на следующее. Натуралисты, наблюдая явления природы, установили, что, несмотря на все разнообразие их, ими управляют определенные законы, «общие и неизменные». Среди естественников давно уже перевелись скептики на сей счет. Но между обществоведами подобные люди еще есть. Они отвергают законы, по которым развивается общество, и думают, что в обществе нет ничего, кроме «слепого случая». Но так простительно было считать лишь до тех пор, пока фактические знания находились «в колыбели». Ныне же это анахронизм – «... знание фактов открыло между ними связь и последовательность, а философия открыла смысл и значение этой связи и последовательности, показав в них развитие и прогресс...»²⁶.

На проблеме развития и прогресса Белинский останавливается особо. Общество прошло путь от дикости и древности к современному состоянию своему. Между совершившимися историческими событиями можно усмотреть непрерывную нить, связывающую их воедино. Диалектика событий такова, что последующие выходят из предыдущих и, в свою очередь, служат причиной тех, что явятся за ними. Существующее ныне не будет правильно понято, если отрешиться от его происхождения. Пережитое не преподает втуне; оно оживает в новых формах, более сложных и полных, давая новому обществу новые силы. «Нет предела развитию человечества, и никогда человечество не скажет себе: “Стой, довольно, больше идти

---

²⁴ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 12. М., 1953. С. 331.

²⁵ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 12. М., 1953. С. 321–322.

²⁶ Там же. Т. 8. С. 277.

некуда!»²⁷. Прогрессивное развитие не останавливается даже и тогда, когда в обществе наблюдаются явления разложения и гибели: они готовят условия для обновления, «и самая смерть в истории, как и в природе, есть только возродительница новой жизни»²⁸.

Ход истории не предопределен фатально. Многое могло произойти не так, как это было. Но «великие события», в отношении их главного смысла, не являются акциями произвола и случая.

Совершающиеся в обществе нравственные и духовные перемены Белинский ставил в зависимость от факторов иного порядка. Он считал, что исходный пункт таких перемен – материальная потребность. Именно она представляет собой в данном случае «великий рычаг». Белинский пояснял, что это – материальная нужда «в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни»²⁹. Так писал Белинский в «Отечественных записках» в 1844 г.

Научный поиск его в этом направлении продолжался и в дальнейшем. П. В. Анненков, сопровождавший Белинского в его поездке в Европу в 1847 г., следующим образом передает свои впечатления от бесед с ним в это время: «Мысль его уже обращалась в кругу идей другого порядка и занята была новыми нарождающимися определениями прав и обязанностей человека, новой *правдой*, провозглашаемой экономическими учениями...»³⁰.

Проблема личности рассматривается Белинским не изолированно от общества, а в связи с ним; личность и общество – это часть и целое. Он сравнивает их с телесным органом и телом, с растением и почвой, на которой оно произрастает и которая питает его. «Никакие обстоятельства жизни не спасут и не защитят человека от влияния общества, нигде не скроются, никуда не уйти ему от него»³¹.

Как бы велика ни была, сама по себе, та или иная личность, известная истории, все равно она ограничена конкретными условиями той страны, в которой она себя проявляет, задачами, которые в

---

²⁷ Там же. С. 284.

²⁸ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1953. С. 287.

²⁹ Там же.

³⁰ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 336.

³¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1953. С. 485.

данный момент стоят перед обществом; она вынуждена руководствоваться духом времени. Она не может выйти «из этого магического круга»³². Но дела, совершенные исторической личностью, в свою очередь, отражаются на обществе, так что последствия их способны пережить ее саму.

В развитии, а также во взаимосвязи с обществом изображается Белинским литературный мир. В многочисленных литературоведческих статьях и рецензиях на книги им воссоздана вся история русской литературы. Анализируется она в двух основных аспектах. Первый из них заключается в том, что исследуется сам литературный процесс – отыскивается историческая связь, существовавшая между творцами литературы, которые жили в разное время.

Высший взлет русской поэзии – творчество А. С. Пушкина. Но творения его не могли бы стать столь совершенными, если бы его не предваряла целая плеяда других поэтов. Белинский сравнивал Пушкина с морем, а поэтов, писавших до него, с реками, впадающими в это море и наполняющими его своими водами. «По смыслу нашего сравнения, – говорит Белинский, – море больше и важнее рек; но без них оно не могло бы образоваться»³³.

Второй аспект, к которому обращается Белинский, – это отношение литературы к социальной действительности. Литература способна создавать картину общества на том или ином этапе его развития. Пушкинский роман в стихах Белинский называл энциклопедией русской жизни. Литературу, как и все искусство, он определял как «сознание бытия». Он также образно называл ее эхом жизни. Но литература не только отражает то общество, в котором она находится. Она влияет на него – воспитывает его идейно и эстетически (хотя внушаемые ею идеи и вкусы по своему характеру не только не одинаковы, но и могут быть и прямо противоположны).

В социальной философии Белинского революция – одно из проявлений прогрессивного развития общества. Постепенно совершающееся социальное движение приближает новое общественное состояние, и нет ничего выше и благороднее, как способство-

---

³² Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1953. С. 287.

³³ Там же. Т. 7. С. 316.

вать этому. Определяя место революции в системе социальных действий, Белинский писал: «Лучшего люди ничего не сделают»³⁴.

Люди, совершавшие революции, герои их, неравноценны для Белинского. И не только из-за масштабов их деятельности, но и из-за ее целенаправленности. В истории Великой французской революции он безусловное предпочтение отдает якобинцам перед жирондистами. Первые являлись революционными демократами, отстаивали интересы народных масс, вторые представляли буржуазию. Белинский предсказывал, что «тысячелетнее царство божие» может утвердиться на земле не фразерством – сладеньким и восторженным – прекраснородушной Жиронды, но лишь «обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов»³⁵.

Якобинцы, их борьба с жирондистами не были для Белинского лишь фигурами и сюжетами прошедшего. Они вспоминались ему в ходе совершавшегося размежевания русской революционной демократии с либерализмом, вдохновляли его полемические выступления. «Надобно было видеть в эти минуты Белинского! – вспоминал очевидец происходившего. – Вся его благородная, пламенная натура проявлялась тут во всем блеске, во всей ее красоте, со всею своею бесконечною искренностию, со всею своей страшной энергией, приводившей иногда в трепет слабеньких поклонников Жиронды»³⁶.

Неравнозначны для Белинского и сами революции. Невысоко ставил он Июльскую революцию 1830 г. во Франции. Она низложила режим Реставрации, отняла власть у Бурбонов и возвратила ее буржуазии. Революция была совершена народом, но сам он ничего не получил от нее. Положение его «не только не улучшилось, но значительно ухудшилось против прежнего»³⁷.

Но оснований для исторического пессимизма все же нет: «...искры добра еще не погасли во Франции – они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил бы их в яркое и чистое пламя»³⁸. Народ растет и мужает, у него есть идейные

---

³⁴ Там же. Т. 12. С. 72.

³⁵ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 12. М., 1953. С. 105.

³⁶ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 279.

³⁷ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1953. С. 171.

³⁸ Там же. С. 173.

руководители, «истинные друзья», которые отказались служить власти и деньгам и «обрекли себя бескорыстному служению будущего, которого, вероятно, им не дождаться, но которого приближению они же содействовали»³⁹. Конечная победа останется за народом, а не за теми, кто торжествует ныне.

Белинский подчеркивает, что зло скрывается не в каких-то отдельных сторонах современного французского общества, основанного на буржуазных началах, что частные улучшения его все равно не создадут социальной гармонии. Зло коренится «во всем устройстве общества»⁴⁰.

К буржуазии, как и к иным явлениям социального мира, Белинский подходил диалектически, выявляя и то, что сделано ею, и то, чем завершается ее миссия. Упрощенные же и примитивные воззрения на нее были для него неприемлемы. Возражая Л. Бану, Белинский писал, что буржуазия в его изображении «еще до сотворения мира является врагом человечества и конспирирует против его благосостояния»⁴¹.

Сам он не находил те функции, которые осуществляла буржуазия, равнозначными на различных этапах ее собственного развития. Он обращал внимание на то, что буржуазия «в борьбе» и буржуазия «торжествующая» – совсем не одно и то же, тем более, что в начале своего бытия «она не отделяла своих интересов от интересов народа»⁴².

Буржуазия не однородна и по своему составу. Она представлена не одними лишь людьми, обладающими огромными состояниями; нельзя исключить из нее многочисленную массу собственников, имеющих мало влияния на ход дел или и вовсе им не располагающих. Поэтому не на буржуазию «вообще», а именно «на больших капиталистов» надо нападать «как на чуму и холеру»⁴³. Как известно, К. Маркс также делал различие между группами буржуазии и допускал, что иногда не только мелкая, но даже и средняя буржуазия способна объединяться с рабочим классом и действовать с ним заод-

---

³⁹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1953. С. 174.

⁴⁰ Там же. С. 174.

⁴¹ Там же. Т. 12. С. 385.

⁴² Там же. С. 449.

⁴³ Там же.

но, – в том числе, и в интересах социализма, когда эти интересы совпадают с задачей ее собственного спасения и спасения страны⁴⁴.

Белинский вскрывал и те пороки, которые органически свойственны капитализму. Неизживаемый антагонизм буржуазного общества он видел в том, что собственник здесь смотрит на работника производства, как плантатор на негра. «Правда, он не может его насильно заставить на себя работать; но он может не дать ему работы и заставить его умереть с голода»⁴⁵.

Люди, представляющие капитал, лишены каких бы то ни было возвышенных нравственных принципов. Они привносят в общество индивидуализм и себялюбие. Даже война и мир в их восприятии – это всего лишь рост или снижение фондов на бирже. В буржуазном обществе царит торгашество. А «торгаш есть существо, по натуре своей пошлое, дрянное, низкое и презренное... Торгаш – существо, цель жизни которого – нажива, поставить пределы этой наживе невозможно. Она, как морская вода: не удовлетворяет жажды, а только сильнее раздражает ее»⁴⁶.

Тот потенциал, которым обладала буржуазия, еще не исчерпал себя полностью. Но и сейчас можно подвести некоторые итоги ее господства. Итоги эти неутешительны. Францию, например, владычество капитала покрыло уже «вечным позором». «... Горе государству, которое в руках капиталистов»⁴⁷.

В статье «Парижские тайны» Белинским дан колоритный собирательный образ представителя капитала – господина с головой осла и туловищем быка. Он с достоинством носит свое толстое чрево, поглотившее столько крови и слез. Лицо его выражает такое самодовольство, что с первого взгляда можно убедиться в полноте его глубоких сундуков, вместивших в себя и безвозмездный чужой труд, и приобретенное несправедливым путем чужое достояние. Он возмущается безнравственностью, которая проявляется в неприязни к богатым людям, и осуждает вольнодумство,

---

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 17. С. 558.

⁴⁵ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1953. С. 172.

⁴⁶ Там же. Т. 12. С. 449–450.

⁴⁷ Там же. С. 449.

которое заключается в том, что не все хотят верить словам, не подкрепленным делами.

Белинский размышлял и о судьбах капитализма в России. В его время буржуазии здесь удалось проявить себя лишь в малой мере. Как и А. И. Герцен, Белинский не исключал того, что дальнейшее развитие страны будет связано с капитализмом. Но он начал поиск для России иного пути. На поиске этом отразилась его полемика со славянофильством. В ходе этой дискуссии и по результатам ее им были сделаны определенные выводы.

Отвечая на письмо К. Д. Кавелина, обвинявшего его в славянофильстве, Белинский признавал (в конце 1847 г.): «Это не совсем неосновательно...»⁴⁸. В его публикациях этого времени отношение к славянофильству, прежде сугубо отрицательное, также меняется. Он отмечает теперь, что славянофилы касаются самых жизненных, самых важных вопросов «нашей общественности», что они говорят много дельного, с чем нельзя не согласиться «хотя наполовину», что сказанное ими справедливо «до известной степени», что они «правы во многих отношениях»⁴⁹. Славянофилы, по его мнению, если и не решили поставленных ими вопросов, то, по крайней мере, привлекли к ним внимание.

Проанализировав выявленные в ходе споров со славянофилами проблемы, Белинский высказывает мнение, что современная Россия не так резко оторвана от своего прошлого и не так тесно связана с Западом, как это могло казаться. Для нее настало время развиваться самобытно, сказать миру свое слово, выразить собственную мысль.

И хотя преждевременная смерть не позволила ему сколь-нибудь обстоятельно разработать свои взгляды на сей счет, он, без сомнения, стоит у самых истоков концепции о возможности миновать капитализм, над которой много трудился А. И. Герцен и которая получила свое завершение в работах Н. Г. Чернышевского. Белинский выдвигает положение, что «Россия лучше сумеет,

---

⁴⁸ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 12. М., 1953. С. 433.

⁴⁹ Там же. Т. 10. С. 20.

пожалуй, разрешить социальный вопрос и покончить с капиталом, чем Европа»⁵⁰.

Белинский говорил о преходящем характере капитализма. Идеал нового общества уже существует, идеал ясный и определенный, хотя он нигде еще не осуществлен на практике; теория опережает ее. Для подлинной истории время еще не наступило. Переживаемая эпоха является переходной. А в переходные эпохи «старое или сокрушается с грохотом, или подтачивается медленно, а заря нового видна только немногим избранным, одаренным ясновидением будущего, по темным для других приметам настоящего»⁵¹.

Белинский возражал тем, кто думал: не остановилось ли развитие человечества в этот холодный, расчетливый, мануфактурный век? По его мнению, только малодушный может увидеть здесь одно гниение и близкую смерть. Белинский был уверен: если человечество и приостановило свой ход, то лишь для того, чтобы собрать силы и средства для нового продвижения вперед.

Свое отношение к религии и церкви он наиболее полно обозначил в «Письме к Н. В. Гоголю». Белинский писал здесь об обскурантизме и мракобесии, существующих в России рядом с кнутом и татарскими нравами, называл православную церковь поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми. Он считал, что православное духовенство является «гнусным»; оно, по его словам, пользуется всеобщим презрением у русского общества и русского народа.

Два положения, выдвинутые Белинским в его «Письме», вызывают временами недоразумения; обсуждаются они и в историко-философской литературе.

Первое из них касается Христа. Белинский, критикуя взгляды Гоголя, высказанные в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», писал, в частности: «... что Вы делаете?.. Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь – это я еще понимаю: она всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то

---

⁵⁰ Кавелин К. Д. Наш уместный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 270.

⁵¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1953. С. 280–281.

зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью?»⁵².

Здесь нет, однако, каких-то «уступок» религии. Признание реальности Христа и значимости его проповеди еще не означает обращения к религии. Белинский рассматривал Христа как историческую личность, человека, выдвинувшего нравственные принципы, которые не потеряли своей привлекательности и ценности. Он противопоставлял истины, высказанные некогда Христом, о любви и братстве, тем воззрениям, которые разошлись с ними и стали ортодоксией. Существенную разницу между ранним и позднейшим христианством признает и современное научное религиоведение.

Второе из упомянутых положений относится к религиозности русского народа. «Приглядитесь пристальнее, – обращается Белинский к Гоголю, – Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ»⁵³. Использовалось это высказывание и для того, чтобы его авторитетом обосновать мировоззренческую уникальность русского народа, и для того, чтобы обвинить Белинского в незнании русской действительности его времени. Каковы же на деле соображения Белинского?

О безрелигиозности русского народа здесь речь не идет, определяется лишь его отношение к христианству. В «Письме» конкретизируется, что у русского народа нет склонности к теизму (он не теист, атеист), к пиетизму, что он не испытывает чувства благоговения, что он лишен трепета перед именем божьим.

Религиозность русского народа на протяжении веков отличало «двоеверие». Такого типа религиозность была характерна и для русского XIX в. Двоеверие особенно типично для крестьянства – самой большой группы тогдашнего русского общества. Под сравнительно тонким и слабым слоем христианства, которое только и признавалось религией, залегал толстый слой древних языческих верований, трактовавшихся как «суеверие». Белинский и обращал внимание на то обстоятельство, что во взглядах русского народа, плохо воспринимавшего христианскую набожность, «много суеврия»⁵⁴. Даже священные для христианства предметы перетолковыв-

---

⁵² Там же. Т. 10. С. 214.

⁵³ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 10. М., 1953. С. 215.

⁵⁴ Там же.

ваются на языческий лад. Язычник поклоняется фетишу, но лишь до тех пор, пока тот приносит удачу; отсутствует успех – и он отворачивается от фетиша. Точно так же поступает и крестьянин с иконой. «Он говорит об образе: *годится – молиться, не годится – горшки покрывать*»⁵⁵.

Так обстоит дело с религиозностью русского народа.

Религиоведение Белинского и его атеизм находятся в соответствии с его материализмом; они – составная часть последнего.

В 1847 г. на средства, собранные друзьями, он совершил поездку за границу – для лечения. Но она не спасла Белинского; здоровье его продолжало ухудшаться, и дни его были сочтены. В это время в правительственных кругах стал проявляться растущий интерес к его литературной деятельности и к самой его личности. Доносы, скопившиеся в 3-м отделении, по словам К. Д. Кавелина, «заставили Вия открыть свой глаз на угасавшего Белинского. Угасал он очень кстати»⁵⁶. Впоследствии за публичное чтение «Письма» Белинского к Гоголю у петрашевцев Ф. М. Достоевскому был вынесен смертный приговор, лишь на эшафоте замененный каторгой (после которой он еще служил в солдатах). Наверху «яростно» сожалели, что Белинский успел умереть: «Мы бы его сгноили в крепости»⁵⁷. Имя Белинского было запрещено упоминать в печати.

---

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 273.

⁵⁷ Там же.